

**“Московитская
корона” в казне
польских королей
XVII–XVIII вв.
(о происхождении
и судьбе инсигнии)**

**“Muscovy Crown”
in Polish Kings’
Treasury,
17th–18th cent.
(on the origins and
fate of the regalia)**

**Александр Владимирович
Лаврентьев**

Национальный исследовательский
университет Высшая школа экономики,
Москва, Россия

Alexander V. Lavrentyev

National Research University Higher
School of Economics,
Moscow, Russia

Резюме

Статья посвящена так называемой “московитской короне” (“*corona moscoviae*”) польских королей, существовавшей в XVII в. Инсигния обнаружилась в Речи Посполитой в эпоху Смутного времени в Русском царстве, ранее находилась в царской казне Московского Кремля, затем была похищена в 1606 г. сторонниками Лжедмитрия I и, в конце концов, оказалась в распоряжении польского короля Сигизмунда III Ваза и его наследников. Судя по имеющимся историческим источникам, “московитская корона” была изготовлена в Англии для царя Ивана IV Грозного как символ присоединенного к Российскому государству в 1556 г. Астраханского ханства. Дипломатические и прочие сообщения современников указывают на то, что корона могла быть доставлена в рамках укрепления торговых связей между Москвой и Лондоном, где именно в тот период вела деятельность так называемая Московская компания. При этом корона была не получена в дар, а приобретена в обмен на

огромную сумму денег. В статье дается подробный обзор английских, польских и русскоязычных источников — прямых и косвенных — и выясняется характер бытования подобных инсигний при дворе русских царей и великих князей. Наряду с хранящимися сейчас в Московском Кремле шапкой Мономаха и шапкой Казанской в статье упомянуты также пропавшие первые Сибирская и Астраханская шапки, с последней из которых и идентифицируется предмет исследования. Корона также связывается с традициями ювелирного дела того времени, западной и восточной. Статья предваряется кратким изложением обстоятельств, при которых инсигния получила название, закрепившееся за ней в польской историографии. В заключении делается предположение о том, почему эта корона, равно как и ей подобные, была заказана именно у иностранных мастеров. Однако этот вопрос, равно как и характер бытования инсигнии при дворе польских королей, требует дополнительного изучения.

Ключевые слова

регалии, инсигнии, "московитская корона", Речь Посполитая, Российское государство, Смутное время, русско-английские связи

Abstract

The paper concerns the so-called "Muscovy crown" ("corona moscoviae") of Polish kings that existed in the 17th century. This insignia emerged in Rzeczpospolita during the Russian Time of Troubles, having until then belonged to the Tsar's treasury in Moscow Kremlin. The adherents of False Dmitry I took it in 1606, upon which it turned up in possession of King Sigismund III and his heirs. It appears that the "Muscovy crown" was made in England for Tsar Ivan the Terrible as a symbol of the Astrakhan Khanate, which had been annexed by the Russian State in 1556. Contemporary evidence from various sources, including diplomatic ones, points to the possibility of the crown being delivered as a token of strengthening trade relations between Moscow and London, where the Moscow company was functioning in this period. The crown was not taken as a gift, it was bought for a large sum. The article includes a detailed survey of English, Polish and Russian sources, both primary and indirect, while looking into the mode of use of such insignia at the court of Russian Tsars and grand princes. The article also mentions, together with Monomach's cap and the Kazan cap, both of which are now kept in the Moscow Kremlin, the now-lost first Siberian and Astrakhan caps, the latter of which is identified with the object of study. The crown is also compared to the Eastern and Western jewelry traditions of the time. The article is prefaced with a brief narration of the circumstances in which the insignia had got the name it was since called in Polish historical writings. The author concludes with a hypothesis on why this crown and other similar to it were commissioned from foreign jewelers. This question, however, demands further research, as does the character of the insignia's use at the court of Polish kings.

Keywords

regalia, Rzeczpospolita, Time of Troubles, Russian-English relations

В 1632 г. неизвестный художник запечатлел тело польского короля Сигизмунда III, скончавшегося 30 апреля, на катафалке, увенчанного одной короной, с лежащей рядом другой [Szablowski, Fischinger 1975: 55; Rołujan 2002: 156]. Современник — очевидец погребального обряда — уточнил, что первой была некая “korona [. . .] z Moskwy przywieziona”, а другой — шведская инсигния [Radziwiłł 1980: 12]. В год, когда картина была написана, первая, принадлежавшая не королевской казне, а лично Сигизмунду III, перешла по завещанию наследнику престола, королевичу Владиславу [Ibid.: 14]; как писал позднее биограф короля Владислава IV¹ С. Кобержицкий, королю действительно принадлежала корона московского происхождения [Kobierzycki 1655: 948].

Сигизмунд III на катафалке. Неизвестный придворный художник. 1632 г. Холст, масло. Воспроизведено по кн.: *Orzeł i Trzy Korony. Sąsiedztwo polsko- szwedzkie nad Bałtykiem w epoce nowożytnej (XVI-XVIII w.). Wystawa. Zamek Królewski w Warszawie. Warszawa, 2002. S. 156.*

¹ Этот историк с 1637 по 1641 г. был королевским секретарем [Kersten 1968: 151] и о происхождении короны, разумеется, знал. Определение «диадема» как синоним слова «корона» употребляется в завещании короля Сигизмунда III [Testamenty 2013: 122].

Король Речи Посполитой Владислав IV, приглашенный на русский престол в 1610 г. в период Семибоярщины, но так и не венчанный на царство, который носил, кроме прочих, официальный титул “electus Magnus Dux Moscoviae” и в 1620 г. получил от Сейма право управлять русскими землями, отошедшими польской короне по Деулинскому перемирию 1618 г. [Przyboś 1999: 267], расстался с претензиями на московский трон только по Поляновскому перемирию 1634 г. В качестве компенсации король получил от российских властей крупную на тот момент сумму в 20 000 рублей, формально — за то, что уступил Москве две приграничные крепости [Соловьев 1990: 166–167; Konopczyński 1999: 283–284; Czapliński 1972: 162].

При этом какие-либо упоминания о “*corona moscoviae*” отсутствуют и в посольском наказе русской делегации на Поляновских переговорах, и в обширной дипломатической переписке Посольского приказа времен “негоциаций” [РГАДА, ф. 79, оп. 2., д. 43].

В ходе переговоров в Полянове о “вечном докончании” польские комиссары выступили с рядом “пунктов”, направленных на сближение государств с перспективой в какой-то момент даже “совершенного соединения”. Одним из этих пунктов было предложение иметь в обоих государствах короны, предназначенные для “симметричного” обряда при, соответственно, королевском и царском дворах. Одна корона должна была находиться в Польше, и русский посол во время коронации должен был возлагать ее на нового польского короля; другую корону, хранящуюся в Москве, польский посол возлагал на нового царя при венчании на царство [Соловьев 1990:168]. Не обсуждая в данном случае политическую сторону и даже просто исполнимость этих предложений, отметим, что возможный “претендент” на роль такой короны в Польше уже существовал, а именно “*corona moscovitiae*”.

Несмотря на то, что тема короны в Поляновских переговорах 1634 г. не поднималась, в Москве знали и о существовании инсигнии, и о том, как она оказалась в распоряжении короля. В грамоте Земского собора “панам-раде”, отосланной в Польшу в 1613 г., после того как на московский престол избрали нового царя Михаила Федоровича, среди прочих претензий фигурируют и короны, пропажа которых инкриминируется польскому гарнизону Кремля: “Царскую казну, многое собранье изъ давнѣхъ летъ [. . .] Царскія утвари, Царскія шапки и коруны [. . .] къ вамъ отослали” [здесь и далее курсив наш. — А. Л.] [СГГД 1822, 3: 25, 28]. В целом, среди потерь времен пребывания в Кремле королевского гарнизона под командованием Александра Гонсевского (осень 1610 — осень 1612 г.) наиболее чувствительные касались царских регалий [Вельтман 1848; Малицкий 1954]. Еще раз подчеркнем, что в российско-польских

дипломатических контактах корона не фигурировала, оставаясь личной королевской собственностью, и вопрос о возврате “*corona moscoviae*” никогда не обсуждался.

Дальнейшая история “московитской” регалии польской династии Вазов драматична. Во время шведского вторжения (так называемого Шведского потопа) “*corona moscoviae*” размонтировали, а золото переплавили, но вскоре инсигнию изготовили заново (отсюда историографические определения “первая московитская корона” и “вторая московитская корона”), пополнив ею на этот раз уже коронную казну Речи Посполитой [O insigniach 1822: 75; Kopera 1904: 203–204; Chodyński 2007: 193–194]².

Характерно, что первая и последняя попытка вернуть корону в Россию (точнее, уже реплику, о чем в Москве не знали) была предпринята только в 1699 г., причем в связи не с российско-польскими, а с российско-прусскими отношениями.

В 1700 г. король Август II Польский передал коронные сокровища, включая шесть корон польских королей, в том числе и “московитскую”, в залог за долги бранденбургскому курфюрсту Фридриху III Гогенцоллерну (с 1701 г. — король в Пруссии Фридрих I), союзнику Петра I в Северной войне. В ящиках с королевской печатью коронные сокровища были вывезены в Берлин [Kopera 1904: 210–211; Chodyński 2007: 189–190].

Об этом знаменательном событии курфюрст известил царя [Малиновский 1833: 131–135], а прусский посланник в России — боярина Ф. А. Головина, руководителя русской дипломатической службы, подчеркнув, что “его курфистерская пресветлость [. . .] над теми никакой воли не имеет, потому что он обязан [. . .] оные паки назад возвратить полским комисаром” [РГАДА, ф. 74, оп. 1, д. 3, л. 9–9 об.]. Из залога не делали секрета, в европейской прессе была опубликована и переведена в Посольском приказе на русский язык “с цесарских печатных курантов” “Роспись [. . .] что его курфистерской пресветлости [. . .] ото всей Речи Посполитой [. . .] вещей заложено”, где числилась и “московитская корона” [Ibid., ф. 155, оп. 1, 1700 г, д. 8, л. 3].

После выплаты королевского долга “залог”, как полагали в России, вернулся назад в Краков [Малиновский 1833: 134], что не соответствует истине. Королевские сокровища из Вавеля, включая “вторую московитскую корону”, оставались в Берлине вплоть до конца XVIII в., и дальнейшая судьба их неизвестна [Kopera 1904: 210; Chodyński 2007: 191–192].

---

² О политической борьбе и финансовом положении двора короля Яна Казимира, приведших к уничтожению короны и последующему ее восстановлению в качестве регалии подробнее см.: [Czermak 1972: 356–358].

Нет повода сомневаться в том, что “*corona moscoviae*” попала в королевскую казну из Москвы во время Смуты³. В польской историографии существует мнение, что инсигния — подарок Лжедмитрия I королю Сигизмунду III, поднесенный после того, как первый занял московский престол в 1605 г. [Rożek 2011: 122; Chodyński 2007: 192]⁴, что во всех отношениях сомнительно. Однако это невозможно ни доказать, ни опровергнуть.

Гораздо продуктивней попытаться реконструировать состав царских “венцов” до Смуты и исходя из этого определить, что же за “московитская корона” стала в Польше королевской инсигнией.

Сохранились две царские короны, в официальной придворной терминологии — шапки, пережившие Смуту и унаследованные первыми Романовыми от московских Рюриковичей: шапка Мономаха и шапка Казанская [Вельтман 1848: 62; Малицкий 1954: 524]. Обе по сей день хранятся в Оружейной палате Московского Кремля. Но число репрезентативных головных уборов последних Рюриковичей не ограничивалось только этими двумя “венцами”.

К маю 1605 г., времени прихода к власти Лжедмитрия I, в царской казне хранилось четыре подобных инсигнии. Это были древнейшая “корона”, шапка Мономаха и три новых “венца”, пополнившие казну во второй половине XVI — первые годы XVII в., а именно шапки — символы присоединенных к владениям русских государей регионов: Казанского, Астраханского и Сибирского царств [Лаврентьев 2001: 182–188]. Две шапки, Астраханская и Сибирская, исчезли из Москвы именно в Смуту, т. е. между 1605 и 1612 гг., но в разное время и при разных обстоятельствах [Ibid.: 188–192]. При этом вышеупомянутое письмо Земского собора “панам-раде” 1613 г. не обвиняет польскую сторону в хищении — инсигнии, как помним, “отослали”.

Одна из пропавших в Смуту царских корон, первая шапка Сибирская, заказанная царем Борисом Годуновым у придворных ювелиров германского короля Рудольфа II и привезенная в Россию в 1604 г., за несколько месяцев до начала похода Лжедмитрия I, была в 1611 г. выдана

³ Высказывалось мнение, что корона была изготовлена около 1610 г. непосредственно в Речи Посполитой для королевича Владислава после приглашения на московское царство [Lileuko 1987: 97], никакими фактами, впрочем, не подтверждаемое.

⁴ Я. Жуковский предполагает, что «московитская корона» первоначально изготавливалась в комплекте с державой и скипетром мастерами Рудольфа II для Самозванца, но, в связи с гибелью последнего в мае 1606 г., до Москвы не дошла и была подарена королю Сигизмунду III [Żukowski 2012: 173–174]. Такой комплект на самом деле изготовили пражские ювелиры, но по заказу не Самозванца, а царя Бориса Годунова в 1600 г., а в 1604 г. имперские послы доставили заказанное в Москву. Скипетр и держава сохранились в Оружейной палате Московского Кремля, корона же пропала во время Смуты [Лаврентьев 2001: 177–180].

самой Боярской думой в счет долга по “заплатам” в часть королевского гарнизона, и позже, уже в Речи Посполитой, после неудачных попыток продать ее разобрали и поделили между собой солдаты польской армии [Ibid.: 178–179, 188–189]. Таким образом, регалия исчезла физически.

О судьбе другой пропавшей в Смуту короны, первой шапки Астраханской, ясно из мемуаров весьма осведомленного свидетеля, жившего в Москве голландского купца Исаака Массы. После восстания в мае 1606 г. “едва его [Дмитрия] убили [. . .] как Михаил Молчанов, который был его тайным пособником, [. . .] бежал в Польшу, и [после его бегства] *пропали скипетр и корона, и не сомневались, что он взял их с собою*” [Масса 1937: 145]. Доверенное лицо первого Самозванца, известный авантюрист Михаил (Михалко) Молчанов, один из убийц жены и сына царя Бориса Годунова, действительно бежал в это время в Польшу, где нашел приют в замке Мнишков Самборе и откуда активно способствовал распространению слухов о том, что царь Дмитрий Иванович жив (впоследствии Молчанов подвизался в тушинском лагере Лжедмитрия II) [Буссов 1961: 135].

Интересно, что в Польше в распоряжении Молчанова и его “сотаиника” и покровителя, князя Г. П. Шаховского (назначенного в мае 1606 г. воеводой в пограничный город Путивль и благополучно проводившего Молчанова до польской границы), находилась еще и царская печать Самозванца [Буссов 1961: 135]. Кроме того, бежал из Москвы Молчанов, как сообщает другой свидетель событий мая 1606 г., на взятых из царских конюшен лошадях [Маржерет 2007: 174]⁵, среди которых была “турецкая лошадь Царская [. . .] Дьявол (называемая) и особенно Царь [Лжедмитрий I. — А. Л.] ее любил”, которая “потом явилась в Польше” [Хвалибог 1855: 4]. Автор последнего сообщения служил Самозванцу “за комнатного”, т. е. был его камердинером, и о лошади своего господина наверняка знал не понаслышке.

Учитывая вероятность, что корона была похищена из Кремля в мае 1606 г., одновременная пропажа государственной печати и царского коня заслуживают особого внимания.

В короткое, менее одного года, правление Лжедмитрия I для канцелярии нового монарха было изготовлено две печати, одна привесная и одна прикладная: первая использовалась для удостоверения дипломатической документации, вторая — внутригосударственной [Лаврентьев 2001: 43–45]. Привесной печатью распоряжался глава русской дипломатической службы — на момент убийства Самозванца это был думный посольский дьяк Афанасий Власьев [Ibid.: 162, 171; Лисейцев 2003: 86–

---

⁵ Современник Смуты Жак Маржерет рассказывает о следствии, учиненном новым царем Василием Шуйским против конюхов, но имени похитителя не называет, хотя им, несомненно, был Молчанов [Маржерет 2007].

87], прикладной же — печатник “царя Дмитрия Ивановича” дьяк Богдан Сутопов [Лаврентьев 2001: 164]. Известно, что после гибели Лжедмитрия I Сутопов бежал вместе с Молчановым и князем Шаховским из Москвы, прихватив, по всей видимости, с собой и государственную печать [Тюменцев 1999: 65–66]. Это было тем более легко сделать потому, что согласно древней традиции царские печатники постоянно носили ее на шнурке на шее и хранили в собственном доме, а не во дворце или одном из государственных учреждений — приказов [Лаврентьев 2001: 33].

Что же касается похищенных коней, то это было совершенно экстраординарное событие. Конюшенный приказ, в котором “ведалась” конюшня “государей всея Руси”, относился к числу ведущих государственных учреждений, так, вплоть до Смуты его возглавлял первенствующий боярин Думы.

В середине XVII в. коней “государева седла”, верховых, санных и каретных, на царском Конюшенном дворе в Кремле числилось 150 голов, и их строго охраняли набранные из провинциального дворянства “стремянные конюхи”, которые “днюют и ночуют на конюшне по 40 человек или 50 человек на сутки” [Котошихин 1906: 81–83].

Так же строго обычно охранялось и место хранения государственных регалий, Казенный двор близ царского дворца, одна из наименее доступных частей Московского Кремля [Евдокимов 2008: 355]. Тем не менее, учитывая напряженную обстановку в Москве мая 1606 г., когда Молчанов ухитрился похитить государственную печать и воспользоваться конями царских конюшен, одновременная кража “царской шапки” не кажется нереальной.

Как корона, похищенная в Москве в мае 1606 г. и вывезенная под покровительством князя Шаховского в Литву, могла оказаться в распоряжении короля Сигизмунда III?

Как уже было сказано, Молчанов и его спутники нашли приют в принадлежавшем Мнишкам Самборе, но вскоре вынуждены были бежать из замка вследствие конфликта между королем и поддерживавшей Лжедмитрия II шляхтой (конфликт был вызван продолжением московской интриги). В попытке схватить Молчанова и его спутников коронный канцлер Лев Сапега посылал в Самбор коронного секретаря Яна Гридича [Тюменцев 1999: 71–72]. Очевидно, именно тогда шапка, похищенная в царской казне в Кремле, была вывезена из Самбора и оказалась в распоряжении короля.

Если наши соображения верны, то “corona moscoviae” Сигизмунда III и его наследников на королевском троне должна быть второй из пропавших в Смуту “шапок царских”, похищенной русскими сторонниками Самозванца из Кремля в мае 1606 г.

Возвращаясь к картине из собрания на Вавеле, отметим, что корона, изображенная на полотне, определенно изготовлена в традициях ювелирного дела Западной Европы и никак не походит ни на шапку Мономаха, ни на шапку Казанскую, “венцы”, так или иначе связанные с художественной традицией Востока⁶.

О московском периоде “*corona moscoviae*” что-то могли бы рассказать описи царской казны, но старейшая сохранившаяся из них, датированная концом XVI в., содержит только описание царского платья и посуды [Викторов 1883: 1–5], прочие же подобные документы, где упомянуты в том числе и царские шапки, относятся уже к послесмутному периоду (самая ранняя — опись царской казны 1642 г. [Орленко 2014: 224–225]), когда венец уже давно находился вдали от Москвы.

Существует еще один источник сведений о шапках царской казны досмутного периода — мемуары и отчеты иностранных дипломатов, побывавших в Кремле на официальных посольских встречах и “отпусках” в Грановитой палате, где присутствие государя в репрезентативном головном уборе было необходимо по дипломатическому этикету [Юзефович 2007: 173]. Но, увы, чаще всего “корона” описана мемуаристами в самых общих выражениях, вроде “богато украшенная” (1557 г.) [Английские путешественники 1937: 76], “из чистого золота” (1604 г.) [Смит 1893: 34], “драгоценная диадема” (1578 г.) [Даниил Принц из Бухова 1874: 57], “золотой венец” (1602 г.) [Какаш и Тактандер 1896: 16], или же совсем незамысловато: “царская корона” (1553 и 1603 гг.) [Английские путешественники 1937: 59; Ганзейское посольство 1896: 25].

Иногда в такого рода описаниях появляются дополнительные детали, тоже, впрочем, лишённые индивидуальных черт, вроде “золотая корона, кругом осыпанная драгоценными камнями и опушенная [...] черным собольим мехом” (1565 г.) [Барберини 1843: 26], “венец, выложенный алмазами, притом очень большими” (1593 г.) [Варкоч 1874: 17] или “большая корона, сделанная весьма искусно (1589 г.)” [Аделунг 1864: 242].

Только в очень редких случаях описание внешнего вида дает некоторые основания для идентификации шапки.

Так, британский дипломат охарактеризовал шапку, виденную им в 1557 г. на царе Иване IV Грозном, как “корону татарского образца” [Английские путешественники 1937: 77], отметив в ее художественном облике

---

⁶ Обширная историография шапки Мономаха связывает ее либо с Византией, либо с Востоком, в последнее время более склоняясь ко второй версии и безоговорочно признавая Казанскую шапку работой восточных мастеров [Жилина 2001: 5–15]. О Казанской шапке см.: [Лаврентьев 2008: 99–117]. Особняком стоит экстравагантное мнение М. В. Горелика об итальянском происхождении шапки Казанской [Горелик 2014: 141–147].

явные восточные черты. Здесь, несомненно, речь идет о шапке Казанской, так или иначе, изготовленной мастерами — носителями восточных традиций ювелирного дела [Лаврентьев 2008: 99–117].

Конструктивная особенность последней была подмечена в 1558 г. Грозный в этом году принимал в Кремле двух англичан, каждый из которых оставил описание царской короны, виденной ими на царе во время посольской церемонии. Первый, Роберт Грей, запомнил, что ее венчал не крест, а “большой рубин на стержне” [Гамель 1865: 39], а другой, Томас Бест, описал шапку как “сужающуюся кверху” и “обильно украшенную богатыми камнями, между которыми один есть рубин, утвержденный на ладонь выше маковки на тонкой проволоке; он величиною с хороший боб” [Ibid.: 47]. Проще говоря, репрезентативный головной убор русского царя был увенчан не крестом, а драгоценным камнем, который очевидцы в один голос посчитали рубином. Шапка Казанская, как известно, была и остается по сей день единственным царским репрезентативным головным убором, который венчает не крест, а драгоценный камень на тонком стержне, или спне⁷.

Несколько дипломатов обратили внимание на форму головного убора. Посланник датского короля Яков Ульфельд, принятый Грозным в Александровой Слободе в 1578 г., видел на царе “шлем, алмазами и другими камнями убранный, с золотою короною”, “золотую корону, возложенную на шлем из алмазов и других драгоценных камней” [Ульфельд 1889: 29, 34]. Видимо, “корона” была по конструкции двухъярусной.

Другие мемуаристы упоминают о сходстве с папской тиарой. Папский нунций кардинал Антонио Поссевино, кроме материала виденной им в 1581 г. короны “великого князя” (“много золота, украшена [. . .] многочисленными драгоценными камнями”), со знанием дела отмечает, что она “немного больше, чем тиара папы, *а впрочем от нее не отличается*” [Поссевино 1983: 196].

Известно, что папская тиара имела с XIV в. трехъярусную форму, не изменившуюся вплоть до наших дней. О существовании в царской казне венца, напоминающего папский, сообщает и имперский посол Иоганн Пернштейн, во время приема в Грановитой палате в 1575 г. видевший на царе “венец почти такой же, как корона [. . .] Папы, хранящаяся в замке Сант-Анджело” [Пернштейн 1876: 12].

Наше предположение могут подтвердить и свидетельства имперских дипломатов, в 1604 г. видевших на посольской встрече царя Бориса Годунова “с великолепной *двойной* короной на голове”, в то время как

⁷ Шапку Казанскую действительно первоначально венчал рубин («лал»), пересаженный в 1627 г. на другую царскую корону и замененный “тумпазом желтым” [Опись 1884, 1: 29]. Последний, “большой, овальной формы желтый яхонт”, украшает навершие шапки Казанской и сейчас [Постникова-Лосева 1954: 158].

“около него сбоку лежала другая, *тройная* корона вышиною почти в полтора локтя” [Какаш и Тактандер 1896: 43].

Таким образом, все, что можно констатировать из описания посольских церемоний, — это то, что среди “шапок” царской казны были отличавшиеся необычной высотой.

Одна из таких “высоких шапок” появилась в эпоху правления Ивана IV, не позднее 1573 г. В марте этого года староста пограничного литовского города Орша Филон Кмита отправил в Вильну вестовые отписки о московских делах, составленные по рассказам очевидцев — “выходцев” из-за литовско-русского рубежа минского мещанина Оксентия Дроновича и некоего Алексея, слуги виленского купца Лукаша Мамонича. Оба возвращались из поездки по торговым делам, во время которой побывали в Александровской слободе, резиденции двора Грозного времен опричнины.

Среди прочих известий оршанский староста записал и следующее: в Слободу “дей съ королевства Английского привезена князю великому коруна, вельми коштвана”, за которую Грозный заплатил “Англѣйчикомъ” соболями на астрономическую сумму в 230 тысяч рублей, “а есть дей [коруна. — А. Л.] такъ высока, мало не локоть” [АЗР, 3: 168–169].

Несмотря на то что сам Кмита “коруны” не видел, равно как, скорее всего, не видели ее и информанты оршанского старосты, оперирующие слухами (“дей”), свидетельствам из отписок можно доверять. Специально занимавшийся сбором сведений о Грозном и России, автор отличался редкой скрупулезностью и добросовестностью [Malinowski 1844: 306–344; Кмита-Чарнабыльскі 2007: 111].

Связи у Кмиты, очевидно, были достаточно обширны: в описи архива Посольского приказа числился, например, “. . . лист, писал к [. . .] царю и великому князю Ивану Васильевичю [. . .] из Литвы Филон Кмита староста ошмянский [sic!]” [Опись 1673, 1: 225].

В отписке оршанского старосты особенно примечателен слуга Алексей. Хозяин последнего, виленский купец Лукаш Мамонич, с братом Кузьмой были тесно связаны с Россией, и не только по торговым делам.

В Вильне действовала кириллическая “друкарня” братьев, где трудился “клевет” московского первопечатника Ивана Федорова Петр Тимофеев Мстиславец, между 1574 и 1576 гг. изготовивший здесь три издания [Югіенко 1966: 52–53, 55; Зернова 1964: 85–87; Буланин 1989: 182]. Возвращавшийся через Оршу из Александровской слободы Алексей, в таком случае, мог быть связан не только с торговыми операциями литовского купечества (в 1575 г. в слободе побывал целый обоз торговцев из Речи Посполитой [Рябинин 1905: 10]), но также и с типографскими

интересами патрона. В “новом граде Слободе” имелась в это время типография, переведенная из Москвы в бывшую опричную резиденцию царским указом и издавшая первую книгу в 1577 г. [Пjaszewicz 1938: 81–84]. В Литву через братьев Мамоничей неоднократно попадала разнообразная информация о российских делах [Grala 1998: 98–101].

Если предположение о причастности Алексея к типографским делам верно, то он должен был общаться с чинами двора и информация о привезенной из Англии в Александрову слободу “коруне” могла исходить от официальных лиц.

А. Л. Хорошкевич, высказывая предположение, что под “коруной” в отписке Кмиты может подразумеваться Казанская шапка, оговаривается, однако, что привезенный из Англии венец “должен быть западно-европейским по форме и технике исполнения” [Хорошкевич 1997: 50], тогда как шапка Казанская, что хорошо известно, — восточной работы. Так что в отписке оршанского старосты 1573 г. речь явно идет о каком-то ином “венце”, изготовленном в Англии позднее появления шапки Казанской, причем не о подарке Грозному, а о покупке.

Слово “Англѣйчики”, употребленное Кмитой для характеристики тех, кто привез “коруну” в Александровскую слободу, весьма примечательно. Информанты оршанского старосты, несомненно, имели в виду британских купцов — членов Московской компании (Muscovy Company), при Грозном имевшей монополию на торговые операции в России.

Московская компания имела строгую иерархическую организацию, собственный устав и действовала в России как паевое совместное предприятие (“joint-stock”) с объединенным капиталом, решительно пресекая попытки отдельных соотечественников вести дела самостоятельно [Любименко 1912: 15–18; Willan 1956: 59–61, 90, 91; Willan 1968: 4–5]. Лондонская штаб-квартира компании, “Muscovy House”, нанимала для ведения дел в России специального уполномоченного (“chief-” или “resident-factor”), руководившего агентами компании и отвечавшего за контакты с московскими властями [Willan 1956: 29–39; Lingelbach 1938: 20, 56–57, 92].

Как помним, согласно сведениям, полученным Кмитой, заказ по доставке был оплачен соболями на 230 тысяч рублей, сумму совершенно астрономическую. Даже если цифра завышена, “коруна” не могла не стоить дорого. Имела ли Московская компания финансовые возможности для размещения в Лондоне столь дорогостоящего заказа?

Торговые обороты компании приносили пайщикам гигантские доходы. Если на момент основания в 1555 г. с получением королевской хартии на исключительное право торговли с Россией участников было около 200 человек, то за следующее десятилетие их количество выросло

вдвое. В число пайщиков входила высшая знать, первые лорды королевства, члены Тайного совета, торговая и бюрократическая элита (так, секретарем компании в 1566 г. был видный британский ювелир Т. Николс) [Любименко 1911: 7; Idem 1912: 22]; в делах компании серьезное участие принимала сама королева Елизавета I [Гамель 1865: 108, 226].

Таким образом, с финансированием дорогостоящих работ по изготовлению короны, надо думать, проблем не возникало, как не возникло их и с транспортировкой в Россию. Вывоз драгоценных металлов и денег из Англии находился в XVI в. под строгим запретом, что создавало большие проблемы для британского купечества. При этом Московской компании удавалось получить несколько раз разрешения на вывоз денег и драгоценных металлов в Россию [Любименко 1911: 16].

В русско-британских отношениях особое место занимали торговые интересы Московской компании в Поволжье, важнейшем транзитном коридоре на пути из Европы в Персию и Среднюю Азию. В 1566–1568 гг. британцы получили выгодные торговые привилегии от шаха, значительно расширив торговые операции с Персией через Волгу и Каспий [Кушева 1950: 282]. Чрезвычайно заинтересованная в персидской торговле, компания в то же время не имела на территории Персии, в отличие от России, ни постоянных торговых представителей, ни факторий [Willan 1956: 90–91]. Астрахань — торговые ворота на Каспии в Персию — имела для компании колоссальное значение [Кушева 1950: 285; Бурдей 1962: 4–7, 17–18, 22–25, 44–47]. Привилегию на транзитную персидскую торговлю через Астрахань англичане получили от Грозного в 1569 г.

Говоря об Астрахани полвека спустя после присоединения ее к Российскому государству, Маржерет отмечал, что “при его [Грозного. — А.Л.] жизни англичане торговали там и отсюда — с Персией” [Маржерет 2007: 118–119].

В сообщении Кмиты дата доставки “коруны” в Россию не указана, но это, вероятно всего, случилось до 1575 г. Дипломатические контакты между Лондоном и московским двором всю вторую половину XVI в. от имени британских суверенов осуществляли, как отмечалось выше, уполномоченные первые лица компании. И один случай, когда Грозный принимал представителя Московской компании по дипломатическому протоколу, действительно имел место не в Москве, а в Александровской слободе. В июне 1571 г. опричную столицу России посетил представитель компании Энтони Дженкинсон [Гамель 1865: 105; Толстой 1875: 134–140; Накашидзе 1955: 88–90]. Скорее всего, именно члены миссии последнего и доставили “коруну велми коштовану”.

Британский торговец и дипломат Дженкинсон бывал в России неоднократно, и здесь особенно важен его визит 1567 г., когда Дженкинсону удалось выхлопотать у царя новую привилегию, дающую компании право беспошлинного торгова в Нарве, Дерпте, Казани и Астрахани, а также транзитной торговли с Персией через Каспий [Любименко 1912: 42]. Дженкинсон оказался первым западноевропейцем, не только посетившим эти места, но и описавшим Каспий и лежащую за ним “Тартарию” [Наклуц 1985: 91–101].

Благодаря усилиям своего представителя в Москве компания получила беспрецедентную по объему льгот привилегию на право транзитной торговли с Персией через Россию, включив в зону коммерческих интересов Казань и Астрахань и еще больше расширив свои возможности в 1569 г. [Любименко 1911: 8; Idem 1912: 42–44]. В 1571 г. Дженкинсон посетил Россию в пятый раз, но впервые в официальном качестве королевского посла, в связи с чем и оказался в Александровской слободе [Аделунг 1864: 138–141], где на повестке дня переговоров с Грозным стоял в числе прочих пункт об астраханской торговле англичан [Известия 1884: 82].

Итак, “коруна” царя Ивана Грозного, о получении которой писал Кмита, была, по всей видимости, шапкой Астраханской, символом недавнего приобретения царя, Астраханского ханства.

Астраханское ханство уже в начале XVI в. рассматривалось в Москве как самостоятельное государство, в русской политической терминологии того времени — царство [Зайцев 2004: 161–162]. Вхождение царства в состав владений Ивана IV началось взятием Астрахани в 1554 г. и завершилось не позднее 1556 г., с окончательной заменой правивших здесь “царей” русскими воеводами [Хлебников 1907: 41–42; Трепавлов 2002: 229]. Сам русский самодержец титулуется себя “царем астраханским” уже с 1554 г., хотя “на царстве” в это время еще сидел московский ставленник, хан Дервиш-Али, от имени которого даже чеканилась монета [Зайцев 2004: 161–162]. В то же время, в отличие от бывших казанских ханов, после вхождения Казанского царства в состав владений царя Ивана IV утерявших трон, но сохранивших почетный титул и высокое место в российской элите [Лаврентьев 2008: 104–107], единственный потомок последнего астраханского царя такой чести не удостоился.

После взятия 1554 г. хан Ямгурчи бежал в Азов, и “царем” в Астрахани по воле Ивана Грозного сел другой Джучид, Дервиш-Али под приглядом русского наместника; измена Дервиш-Али предопределила второе взятие Астрахани в 1556 г. [Зайцев 2004: 159–170]. Но во время первого взятия воеводы пленили и препроводили в Москву гарем Ямгурчи: “Астороханского царя [. . .] цариц”, которых “великий государь [. . .] велел [. . .] почтити, не плѣнницъ, якоже бы свободных [. . .] и честнѣ

ихъ велѣль [. . .] держати и кормъ доволенъ давати отъ свои царскихъ погребовъ”. По пути в Москву одна из цариц, “ѣдучи [. . .] на дороге въ судѣхъ на Волге родила царевича именемъ Ярашты; и приѣхавъ къ Москвѣ [. . .] государь велѣль царевича крестити и съ матерію”. Новообращенную царицу Ульяну по указу Грозного в Москве выдали замуж за З. И. Очина-Плещеева, чьим приемным сыном должен был стать, очевидно, и новорожденный царевич Петр, но здесь было принято беспрецедентное решение: “царевича велѣль [государь] кормити” не Плещееву, а “матере его до возмужанія” [ПСРЛ, 20, 2: 558].

При сохранении за “царицей” и “царевичем” их “природного” статуса, замужество одной из жен Ямгурчи в Москве было очевидным мезальянсом. В то же время ее теперешний муж, до женитьбы всего лишь провинциальный дворянин невысокого статуса, сын боярский второй статьи по Бежецку, начинает делать придворную карьеру. В год женитьбы Очина-Плещеева назначают четвертым воеводой в Казань [Кобрин 1960: 60–61], в 1563 г. он получает первый думный чин окольного, а три года спустя — боярина [Веселовский 1963: 429]. Судьба царевича Петра в России неизвестна, однако некоторые предположения на этот счет выдвигает в своей монографии А. В. Беляков [Беляков 2011: 109].

Таким образом, астраханский стол после 1554 г. мог занимать только Иван IV.

Если “коруна”, заказанная царем в Англии и привезенная, как предполагается, в Александровскую слободу посольством Дженкинсона в 1571 г. была шапкой Астраханской царской казны, будущей “согона мосcoviaе” казны польских королей, то возникает естественный вопрос: почему ее не изготовили в Москве, а заказали иностранным мастерам?

Надо сказать, что сам заказ “коруны” за границей, а это был, повторимся, именно оплаченный заказ, разумеется, не был связан с отсутствием в Москве мастеров-ювелиров. При царском дворе в XVI в. трудились как собственные мастера золотого и серебряного дела, так и ювелиры-иностранцы и, что особенно любопытно, англичане. Так, готовясь к вышеописанной поездке в Московию 1567 г., тот же Дженкинсон завербовал на родине для работы в России золотых дел мастера и пробирера Т. Грина [Гамель 1865: 77], а в 1580-х гг. при дворе Грозного трудился некий британский мастер, делавший золотую посуду для царского обихода [Флетчер 2000: 33], и наверняка это не единственные примеры, учитывая традицию приглашать ко двору на работу ювелиров-иностранцев⁸.

---

⁸ Среди ювелиров, работавших в XVII в. на царский двор в составе мастеров Оружейной палаты иностранцы, в подавляющем большинстве выходцы из государств Западной Европы, составляли до 30 %. Подсчеты приведены по справочнику В. И. Троицкого [Троицкий 1928–1930].

Тем не менее царскую “коруну” изготовили в Лондоне. Очевидно, иностранное происхождение нового венца имело важное церемониальное и этикетное значение, смысл которого еще предстоит выяснить. Констатируем только, что все царские шапки, хранившиеся в казне государей всея Руси до Смуты, были иностранного происхождения. Шапке Мономаха приписывали византийские корни, шапку Казанскую предположительно изготовил для Грозного придворный ювелир хана Шах-Али, именуемого в русских источниках “царем Шигалеем”, владельца суверена вассального России Касимовского ханства⁹ [Лаврентьев 2008: 108–110], шапку Сибирскую, как уже было сказано, заказывали в Праге у придворных мастеров императора Рудольфа II. В этом ряду шапка — символ Астраханского царства, доставленная в Россию англичанами, она же, как полагаем, будущая “*corona moscoviae*” казны польских королей, совсем не была исключением.

Библиография

Источники

АЗР, 3

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею, 3, С.-Петербург, 1848.

Английские путешественники 1937

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., Ю. В. Готье, пер., Москва, 1937.

Барберини 1843

“Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 г.”, in: *Сказания иностранцев о России в XVI в.*, В. Любич-Романович, пер., С.-Петербург, 1843.

Буссов 1961

Буссов К., *Московская хроника. 1584–1613*, Москва, 1961.

Варкоч 1874

“Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора в 1593 г.”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 4, 1874.

Викторов 1883

Викторов А. Е., *Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613–1725*, 1, Москва, 1883.

Ганзейское посольство 1896

“Поездка Ганзейского посольства в Москву (1603 г.)”, in: *Сборник материалов по русской истории начала XVII в.*, И. М. Болдаков, пер., С.-Петербург, 1896.

Даниил Принц из Бухова 1874

Даниил Принц из Бухова, “Начало и возвышение Московии”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 4, 1874.

⁹ Хотя в последнее время выдвигается предположение, что Касимовское ханство особым царством в составе Российского государства никогда не было [Беляков 2011].

Известия 1884

“Известия англичан о России XVI века. Пер. с предисловием С. М. Середонина”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 4, 1884.

Какаш и Тактандер 1896

Какаш и Тактандер, “Путешествие в Персию через Московию 1602–1603 гг.”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 2, 1896.

Котошихин 1906

Котошихин Г. К., *О России в царствование Алексея Михайловича*, Москва, 1906.

Маржерет 2007

Состояние российской империи: Ж. Маржерет в документах и исследованиях, А. Н. Берелович и др., ред., Москва, 2007.

Масса 1937

Масса И., *Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей*, Москва, 1937.

Опись 1673, 1

Опись архива Посольского приказа 1673 года, В. И. Гальцов, изд. подг., 1, Москва, 1990.

Опись 1884, 1

Опись Московской Оружейной палаты, 1, [кн. 1], Москва, 1884.

Пернштейн 1876

“Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана II о московском дворе в 1575 г.”, М. Д. Бутурлин, пер., *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 2, 1876.

Поссевино 1983

Поссевино А., *Исторические сочинения о России XVI в.*, Л. Н. Годовикова, пер., Москва, 1983.

ПСРЛ, 14

Полное собрание русских летописей, 14, Москва, 1965.

ПСРЛ, 20, 2

Полное собрание русских летописей, 20, 2, С.-Петербург, 1914.

РГАДА, ф. 74

Российский государственный архив древних актов. *Сношения России с Пруссией – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.*

РГАДА, ф. 79

Российский государственный архив древних актов. *Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.*

Рябинин 1905

Рябинин И., “Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву 1574–1576 гг.”, *Чтения в Обществе истории и древностей Российских*, 1, 1905.

СГГД 1822, 3

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел, 3, Москва, 1822.

Смит 1893

Смит Т., *Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России*, И. М. Болдаков, пер., С.-Петербург, 1893.

“Muscovy Crown” in Polish Kings’ Treasury, 17th–18th cent.
(on the origins and fate of the regalia)

Ульфельд 1889

Путешествие в Россию датского посланника Иакова Ульфельда в XVI в., Е. Барсов, пер., Москва, 1889.

Флетчер 2000

Флетчер Дж., *О государстве Русском*, Москва, 2000.

Хвалибог 1855

“Донесение Г. Хвалибога о ложной смерти Лжедмитрия I”, *Временник Московского общества истории и древностей*, 23, 1855.

Kobierzycki 1655

Kobierzycki S., *Historia Vladislai Poloniae et Sueciae Principis [. . .] usque ad excessum Sigismundi III Poloniae Sueciaeque Regis*, Dantisci, 1655.

Radziwiłł 1980

Radziwiłł A. S., *Pamiętnik o dziejach w Polsce*, A. Przyboś i R. Żelewski, przekł. i oprac., 1, 1632–1636, Warszawa, 1980.

Testamenty 2013

Testamenty Zygmunta III Wazy, M. Plago, A. Poznański, przekł., W. Kaczorowski et al., oprac. i wyd., Opole, 2013.

Литература

Аделунг 1864

Аделунг Ф., *Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г.*, 1, С.-Петербург, 1864.

Бахтин 1997

Бахтин А. Г., “Восточная политика России в середине XVI в.: взгляд на проблему”, in: *Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе: Сб. статей*, Йошкар-Ола, 1997, 56–69.

Беляков 2011

Беляков А. В. *Чингисиды в России XV–XVII веков*, Рязань, 2011.

Буланин 1989

Буланин Д. М., “Петр Тимофеев Мстиславец”, in: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 2, 2, Ленинград, 1989, 182–185.

Бурдей 1962

Бурдей Г. Д., *Русско-турецкая война 1569 г.*, Саратов, 1962.

Вельтман 1848

Вельтман А. Ф., “О сохранности утварей царского чина или регалий во время бытности польских и литовских войск в Москве в 1610–1612 гг.”, *Чтения в Обществе истории и древностей российских*, 5, 1848, 57–66.

Веселовский 1963

Веселовский С. Б., *Исследования по истории опричнины*, Москва, 1963.

Гамель 1865

Гамель И., *Англичане в России в XVI и XVII столетиях*, 1, С.-Петербург, 1865.

Горелик 2014

Горелик М. В., “Мусульманский папа на московском троне (“Шапка Казанская” Ивана IV Грозного из Оружейной палаты)”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (16), 2014, 141–147.

Евдокимов 2008

Евдокимов Г. К., “К истории построек Казенного двора в Московском Кремле”, in: *Царский храм. Благовеценский собор Московского Кремля в истории русской культуры*.

- (= Государственный историко-культурный музей-заповедник "Московский Кремль".
Материалы и исследования, 19), Москва, 2008, 355–376.
- Жилина 2001
Жилина Н. В., *Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование*.
Москва, 2001.
- Зайцев 2004
Зайцев И. В., *Астраханское ханство*, Москва, 2004.
- Зернова 1964
Зернова А. С., "Первопечатник Петр Тимофеев Мстиславец", in: *Книга. Исследования и материалы*, 9, Москва, 1964, 77–111.
- Кміта-Чарнабыльські 2007
"Кміта-Чарнабыльські Філон Сямёнавіч", in: *Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах*, 2, Мінск, 2007, 111.
- Кобрин 1960
Кобрин В. Б., "Состав опричного двора Ивана Грозного", in: *Археографический ежегодник за 1959 г.*, Москва, 1960, 16–91.
- Кушева 1950
Кушева Е. Н., "Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг.",
Исторические записки, 34, 1950, 236–287.
- Лаврентьев 2001
Лаврентьев А. В., *Царевич – царь – цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606 гг.*, С.-Петербург, 2001.
- 2008
Лаврентьев А. В., "Казанская шапка и казанские цари", in: *Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в Средние века. К 70-летию Б. Н. Флори (= Славяне и их соседи, 12)*, Москва, 2008, 99–117.
- Лисейцев 2003
Лисейцев Д. В., *Посольский приказ в эпоху Смуты*, Москва, 2003.
- Любименко 1911
Любименко И. И., "Английская торговая компания в России в XVI в.", in: *Историческое обозрение*, 16, С.-Петербург, 1911, 2–24.
- 1912
Любименко И. И., *История торговых отношений России с Англией*, 1, Юрьев, 1912.
- Малиновский 1833
Малиновский А. Ф., "Сведения об увезенной в 1612 г. поляками из Москвы царской короне", in: *Труды и летописи Общества истории и древностей российских*, 6, Москва, 1833, 131–135.
- Малицкий 1954
Малицкий Г. В., "К истории Оружейной палаты Московского Кремля", in:
Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты, Москва, 1954, 507–560.
- Накашидзе 1955
Накашидзе Н. Т., *Русско-английские отношения во второй половине XVI в.*, Тбилиси, 1955.
- Огієнко 1966
Огієнко І., *Історія українського друкарства*, Київ, 1966.
- Постникова-Лосева 1954
Постникова-Лосева М. М., "Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной Палаты XVI–XVII вв.", in: *Государственная Оружейная палата Московского Кремля. Сборник*

“Muscovy Crown” in Polish Kings’ Treasury, 17th–18th cent.
(on the origins and fate of the regalia)

- научных трудов по материалам Государственной Оружейной палаты*, Москва, 1954, 137–216.
- Скрынников 1988
Скрынников Р. Г., *Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников*, Ленинград, 1988.
- Соловьев 1990
Соловьев С. М., *История России с древнейших времен*, 5, Москва, 1990.
- Толстой 1875
Толстой Ю., *Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею*, С.-Петербург, 1875.
- Трепавлов 2002
Трепавлов В. В., *История Ногайской Орды*, Москва, 2002.
- Троицкий 1928–1930
Троицкий В. И., *Словарь московских мастеров золотого, серебряного и алмазного дела XVII в.*, 1–2, Ленинград, 1928–1930.
- Тюменцев 1999
Тюменцев И. О., *Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II*, Волгоград, 1999.
- Хлебников 1907
Хлебников П. X., *Астрахань в старые годы*, 1, Санкт-Петербург, 1907.
- Хорошкевич 1997
Хорошкевич А. Л., “Герб”, in: Артамонов В. А. и др., *Герб и флаг России X–XX вв.*, Москва, 1997, 9–105.
- Юзефович 2007.
Юзефович Л. А., *Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал*, С.-Петербург, 2007.
- Chodyński 2007
Chodyński A. R., “Druga korona moskiewska i inne klejnoty zastawne ze skarbcza Rzeczypospolitej”, *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, 55 (2), 2007, 189–204.
- Czapliński 1972
Czapliński W., *Władysław IV i jego czasy*, Warszawa, 1972.
- Czermak 1972
Czermak W., *Ostatnie lata Jana Kazimiera*, A. Kersten, oprac. i wstęp, Warszawa, 1972.
- Grala 1998
Grala H., “Kupci, szpiedzy i kurierzy (na marginesie afery Simeona Szorina a.D. 1587)”, in: *Gospodarka–Ludzie–Władza. Studia historyczne ofiarowane Juluszowi Łukaszewiczowi w 75. rocznicę urodzin*, Warszawa, 1998, 96–105.
- Hakluyt 1985
Hakluyt R., “Journey of Anthony Jenkinson into Persia,” in: *Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation*, London, 1985.
- Iłjaszewicz 1938
Iłjaszewicz T., *Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie (1576–1622)*, Wilno, 1938.
- Kersten 1968
Kersten A., “Kobierzycki Stanisław h. Pomian (ok. 1600–1665)”, in: *Polski Słownik Biograficzny*, 13, Wrocław, 1968, 150–152.
- Konopczyński 1999
Konopczyński W., *Dzieje Polski nowożytnej*, wyd. 4, Warszawa, 1999.
- Kopera 1904
Kopera F., *Dzieje skarbcza koronnego czyli insygniów i klejnotów koronnych Polski*, Kraków, 1904.

Lileyko 1987

Lileyko J., *Regalia polskie*, Warszawa, 1987.

Lingelbach 1938

Lingelbach W. E., *The Merchant Adventures of England: Their Laws and Ordinances*, New York, 1938.

Malinowski 1844

Malinowski M., "Wiadomości o Filone Kmicie Ciarnobylzkim", in: *Zródła do dziejów Polskich*, Wilna, 1844, 306–344.

O insygniach 1822

"O insygniach królów polskich i klejnotóch, w skarbu Krakowskiem howanych. . .", in: *Zbiór pamiątek historycznych o dawnéj Polsce* [. . .] przez J. U. Niemcewicza, 3, Warszawa, 1822.

Połujan 2002

Połujan K., red., *Orzeł i Trzy Korony. Sąsiedztwo polsko-szwedzkie nad Bałtykiem w epoce nowożytniej (XVI–XVIII w.)*, Warszawa, 2002.

Przyboś 1999

Przyboś K., "Finanse królewskie a ceremoniał na dworze Władysława IV", in: *Theatrum ceremoniale na dworze księżąt i królów polskich*, Kraków, 1999, 267–275.

Rożek 2011

Rożek M., *Polskie insygnia koronacyjne. Symbole władzy państwowej*, Kraków, 2011.

Szablowski, Fischinger 1975

Szablowski J., Fischinger A., *Zbiory Zamku Królewskiego na Wawelu*, Warszawa, 1975.

Willan 1956

Willan T. S., *The Early History of the Russia Company, 1553–1603*, Manchester, 1956.

Willan 1968

Willan T. S., *Studies in Elizabethan Foreign Trade*, New York, 1968.

Żukowski 2012

Żukowski J., "Kniaź wielki moskiewski Władysław Zygmuntowicz. Przegląd ikonografii w 400-setną rocznicę elekcji", *Acta Academiae Artium Vilensis*, 65–66, 2012, 177–209.

References

Bakhtin A. G., "Vostochnaia politika Rossii v seredine XVI v.: vzgliad na problemu," in: *Dialog kultur i kulturnaia politika gosudarstva v polietnicheskom regione*, Ioshkar-Ola, 1997, 56–69.

Beliakov A. V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov*, Riazan, 2011.

Bulanin D. M., "Petr Timofeev Mstislavets," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 2, 2, Leningrad, 1989, 182–185.

Burdej G. D., *Rusko-turetskaia voina 1569 g.*, Saratov, 1962.

Chodyński A. R., "Druga korona moskiewska i inne klejnoty zastawne ze skarbcza Rzeczypospolitej," *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*, 55 (2), 2007, 189–204.

Czapliński W., *Władysław IV i jego czasy*, Warszawa, 1972.

Czermak W., *Ostatnie lata Jana Kazimiera*, A. Kersten, oprac. i wstęp, Warszawa, 1972.

Evdokimov G. K., "K istorii postroek Kazennogo dvora v Moskovskom Kremle," in: *Tsarskii khram*.

Blagoveshchenskii sobor v istorii russkoi kultury. (= Gosudarstvennyi Istoriko-kulturnyi muzei-zapovednik "Moskovskii Kremli". *Materialy i issledovaniia*, 19), Moscow, 2008, 355–376.

Gorelik M. V., "Musul'manskii papa na moskovskom trone ("Shapka Kazanskaia" Ivana IV Groznogo iz Oruzheinoi palaty)," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2 (16), 2014, 141–147.

Grala H., "Kupci, szpiedzy i kurierzy (na marginesie afery Simeona Szorina a.D. 1587)," in: *Gospodarka–Ludzie–Władza. Studia historyczne ofiarowane Juliuszowi Łukaszewiczowi w 75. rocznicę urodzin*, Warszawa, 1998, 96–105.

Hakluyt R., "Journey of Anthony Jenkinson into Persia," in: *Principal Navigations, Voyages and Discoveries of the English Nation*, London, 1985.

Iljaszewicz T., *Drukarnia domu Mamoniczów w Wilnie (1576–1622)*, Wilno, 1938.

Kersten A., "Kobierzycki Stanisław h. Pomian (ok. 1600–1665)," in: *Polski Słownik Biograficzny*, 13, Wrocław, 1968, 150–152.

- Khoroshkevich A. L., "Gerb," in: Artamonov V. A. et al., *Gerb i flag v Rossii X–XX vv.*, Moscow, 1997, 9–105.
- Kobrin V. B., "Sostav oprichnogo dvora Ivana Groznogo," in: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1959 g.*, Moscow, 1960, 16–91.
- Konopczyński W., *Dzieje Polski nowożytnej*, wyd. 4, Warszawa, 1999.
- Kusheva E. N., "Politika Russkogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v 1552–1572 gg.," *Istoricheskie zapiski*, 34, 1950, 236–287.
- Lavrentyev A. V., *Tsarevich – tsar' – tsesar'. Lzhedmitrii I, ego gosudarstvennye pečhati, nagradnye znaki i medali. 1604–1606 gg.*, St. Petersburg, 2001.
- Lavrentyev A. V., "Kazanskaia shapka i kazanske tsari," in: *Anfologion: vlast', obshchestvo, kul'tura v slavianskom mire v Srednie veka. K 70-letiiu B. N. Flori, (= Slaviane i ikh sosedi, 12)*, Moscow, 2008, 99–117.
- Lileyko J., *Regalia polskie*, Warszawa, 1987.
- Lingelbach W. E., *The Merchant Adventures of England: Their Laws and Ordinances*, New York, 1938.
- Liseitsev D. V., *Posol'skii prikaz v epokhu Smuty*, Moscow, 2003.
- Malitsky G. V., "K istorii Oruzheinoi palaty Moskovskogo Kremliia," in: *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoi Oruzheinoi palaty*, Moscow, 1954, 507–560.
- Nakashidze N. T., *Russko-angliiskie otnosheniya vo vtoroi polovine XVI v.*, Tbilisi, 1955.
- Ogienko I., *Istoriia ukrains'kogo drukarstva*, Kyiv, 1966.
- Połujan K., red., *Orzeł i Trzy Korony. Sąsiedztwo polsko-szwedzkie nad Bałtykiem w epoce nowożytnej (XVI–XVIII w.)*, Warszawa, 2002.
- Postnikova-Loseva M. M., "Zolotyie I serebrianye izdeliia masterov Oruzheinoi palaty XVI–XVII vv.," in: *Gosudarstvennaia Oruzheinaia palata Moskovskogo Kremliia. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Gosudarstvennoi Oruzheinoi palaty*, Moscow, 1954, 137–216.
- Przyboś K., "Finanse królewskie a ceremoniał na dworze Władysława IV," in: *Theatrum ceremoniale na dworze książąt i królów polskich*, Kraków, 1999, 267–275.
- Rożek M., *Polskie insygnia koronacyjne. Symbole władzy państwowej*, Kraków, 2011.
- Skrynnikov R. G., *Smuta v Rossii v nachale XVII v. Ivan Bolotnikov*, Leningrad, 1988.
- Solovyev S. M., *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen*, 5, Moscow, 1990.
- Szablowski J., Fischinger A., *Zbiory Zamku Królewskiego na Wawelu*, Warszawa, 1975.
- Tiumentsev I. O., *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletia. Dvizhenie Lzhedmitriia II*, Volgograd, 1999.
- Trepavlov V. V., *Istoriia Nogaiskoi Ordy*, Moscow, 2002.
- Troitskii V. I., *Slovary moskovskikh masterov zolotogo, serebriannogo i almaznogo dela XVII v.*, 1–2, Leningrad, 1928–1930.
- Veselovskij S. B., *Issledovaniia po istorii oprichniny*, Moscow, 1963.
- Willan T. S., *The Early History of the Russia Company, 1553–1603*, Manchester, 1956.
- Willan T. S., *Studies in Elizabethan Foreign Trade*, New York, 1968.
- Yuzefovich L. A., *Put' posla. Russkii posol'skii obychai. Obikhod. Etiket. Tseremonial*, St. Petersburg, 2007.
- Zaitsev I. V., *Astakhanskoe khanstvo*, Moscow, 2004.
- Zernova A. S., "Pervopechatnik Fedor Timofeev Mstislavets," in: *Kniga. Issledovaniia I materialy*, 9, Moscow, 1964, 77–111.
- Zhilina N. V., *Shapka Monomakha: istoriko-kul'turnoe i tekhnologicheskoe issledovanie*, Moscow, 2001.
- Żukowski J., "Kniaź wielki moskiewski Władysław Zygmunto-wicz. Przegląd ikonografii w 400-setną rocznicę elekcji," *Acta Academiae Artium Vilensis*, 65–66, 2012, 177–209.

Александр Владимирович Лаврентьев, канд. ист. наук

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Факультет гуманитарных наук, Школа филологии,
ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосемиотических
исследований

105066 Москва, ул. Старая Басманная, 21/4

Россия/Russia

laurentius@list.ru

Received March 4, 2018